

Звезда
г. Пермь
31 ЯНВ 1981

ВСЕГДА ПОМНЮ ГЛАЗА ЛЮДЕЙ...

ИЗВЕСТНО, что восьми-десятилетние отроки — народ не очень любящий корпеть над письмами. Им гораздо более по душе занятия познергичнее, нежели эпистолярный жанр. Но вот знакомлюсь с письмами, руковеторными адресами и грамотами, которые посылает школьный люд артисту ТЮЗа Бориса Александровича Плоскову, и прихожу, к выводу, что не так уж не любят дети братья за перо. Но, видимо, только в том случае, когда их что-либо глубоко тронуло.

Одних ребят потрясло, как Плосков играет Бабу Ягу в сказке Евг. Шварца «Два клена». И они прислали ему рисунки, где разноцветными карандашами со всей детской непосредственностью выразили всю свою нелюбовь к его Бабе-Яге. Другим Баба-Яга не показалась такой уж отвратительной, и они пишут: «Баба-Ягуся хоть и хитрая, но мы ее не боимся».

В следующем рисунке Б. А. Плосков многолик, на нем млицейская форма (в одном из спектаклей он играл милиционера), на голове шляпа с пером (возможно, это персонаж из спектакля по пьесе Гольдони «Слуга двух господ»), в руках шпага Д'Артаньяна («Три мушкетера» А. Дюма).

А письма... Они тоже разные, как и их авторы — зрители юношеского театра. Иные выражают свои чувства в стихах: «Маг слова, шагги, и куплета, Достойны Вы пера поэта...»; другие — обстоятельной прозой, изобилующей вопросами: как Вы пришли в ТЮЗ? Какими качествами должен обладать современный актер? Роль учите, как урок, или с удовольствием?

А я Плоскова надолго запомнила в спектакле «Молодая гвардия». И как сейчас понимаю, благодаря и неповторимой по своей непосредственности атмосфере, царившей в зрительном зале, пронзительно острой по накалу сопереживания.

...После первой же картины, когда под треск мотоциклов, в сполохах пламени окупанты расползаются по всему сценическому пространству, и, кажется, не остается уже ничего живого, мы видим Олега Кошевого на допросе у гестаповского генерала Клера. Этот допрос будет длиться в течение всего спектакля, являя собою противоборство двух сил: молодого гвардейца и Клера. При всей своей человеконенавистнической сущности Клер — Плоскова фигура далеко не примитивная. Он — искусный ловец человеческих душ. У него негромкий, вкрадчивый голос, изысканные манеры. Он ни разу не сорвался на крик.

Но вот неумолимо приближается конец. Хотя мы знаем, наков он, этот конец, финал спектакля потрясает.

— В шурф их! В шахту... И вагонетки на них, вагонетки, — в бессильном бешенстве шипит Клер.

И девочка, сидевшая со мной рядом, содрогалась от ужаса, сжимает мою руку. Так и вышли мы с ней из зала, держа за руки, два незнакомых человека, объединенные одними чувствами: гневом, болью, состраданием.

Ваш собеседник — заслуженный артист РСФСР Б. А. Плосков



Да, ролей очень много. Но вы только посмотрите, какое счастье, можно сказать, ни за что привалило одному человеку, я имею в виду себя. Сколько характеров мне довелось встретить, сколькими жизнями прожить! А с какими умами и талантами общаться, читая творения великих мастеров! Пушкин, Мольер, Шекспир, Гончаров, Островский, Дюма, Кальдерон, Горький, Маршак, Гвен... Произведения этих выдающихся сынов человечества жили на нашей сцене. И мне довелось в этих пьесах играть. Пожалуй, такое возможно только в ТЮЗе. Мы спешим, мы торопимся раскрыть кладовую ду-

сущном для нас — о смене. Ах, как бы хотелось увидеть, что будет с Россией лет через пятьдесят—шестьдесят... Но эти мальчишки... всеяют огромную бодрость... Они те, для кого мы живем...». Эти слова обращены в зал. И если бы сняты скрытой камерой лица в зрительном зале, то можно получить ответы на многие вопросы, которые стоят перед нашей актерской профессией: в чем сила искусства? В чем его истина? Когда артисту выпадает честь говорить с людьми от имени Ленина, от имени революции, он понимает, зачем живет. Такой спектакль можно играть только на предельном напряжении всех душевных сил и возможностей. Вообще встреча с хорошей драматургией для театра, актеров всегда праздник.

— Авторы, к которым обращается ТЮЗ, согласитесь, все-таки особые. Я не имею в виду классику. Пушкин и Шекспир украсят афишу любого театра. Это, как говорится, нетленное. Но вот я смотрю афишу сегодняшнего дня. Слов нет, в ней представлены интересные и достойные авторы. Но вы знаете, по ком я испытываю сердечную тоску и кого не хватает, на мой взгляд, в афише пермского ТЮЗа? Возможно, догадайтесь?

Б. Плосков. — Гайдара?
— Да. Аркадия Петровича Гайдара.

Б. Плосков. Это и нас удручает. Такой великолепный детский писатель. Нестареющий. Современный.

— От его произведений исходит какой-то особый свет. Мне бы так хотелось увидеть на сцене его «Голубую чашку».

Б. Плосков. А мне «РВС»... А кому-то, может, его «Тимура...». Удивительный писатель.

НЕ ПРЕДПОЛАГАЛА я, что, приняв приглашение Бориса Александровича побывать у него в гостях, совершу удивительное и увлекательное пу-

тешествие по многим странам мира. Нет, не с помощью географических карт и атласа, любительских кинофильмов или открыток с видами заморских стран, а благодаря... театральным маскам. Они помещены на стенах комнаты. Так и хочется сказать «украшают» стены, но это будет не точно, ибо все маски «лицедействуют», передают состояние человеческого духа: гнев, боль, восторг, умиротворение.

С древних времен маски были неотъемлемой частью народных театров в разных странах: обрядовых, ритуальных, позднее стали элементом актерского грима, помогая созданию сценического образа. Сейчас маски сохранились преимущественно в традиционных театрах народов Азии, где театральное искусство в своем развитии тесно связано с культурой драмой. Однако послушаем хозяина.

Б. Плосков. «...Да будет навеки услада с миром без войны, со здравием без боли, с пастбищем, всегда покрытым травой...». Это из тибетского эпоса, где воспевается храбрый и справедливый батыр, восставший против Джамсарана — Бога войны. Вот маска Джамсарана, посмотрите. Обратите внимание, чем украшена его голова. Корона из черепов. Хищный оскал и корона из черепов... Достаточно выразительный образ войны, не правда ли? А вот маски японских театров Но и Кабуки, вот маски народов Цейлона, Африки...

Тут следует сказать: Бориса Александровича не стоит относить к обыкновенным коллекционерам, что в принципе совсем неплохо, конечно. Все маски сделаны его руками, являются собой точные копии изделий умельцев разных стран. Тысячелетия и столетия назад создавались они известными мастерами и ныне признаны достоянием мирового искусства. Маски Плосков делает из простейшего материала — папье-маше. И можно только подивиться — до чего они выразительны!

Я было собралась спросить, влияет ли это увлечение на профессию актера, но вспомнил грим его характерных персонажей, особенно в сказках, поняла: непременно влияет!

ВЫ роль учите, как урок, или с удовольствием? Помните этот вопрос из детского письма?

Б. Плосков. И ребенку, и взрослому, ничуть не кривя душой, скажу: с удовольствием. Но и как урок. Преодолевая трудности. А с годами, с опытом, всякий раз перед новой ролью испытываю страх, даже панический ужас: вдруг не получится. Спасает то, что подобные чувства испытывают многие актеры. И не только актеры, люди разных других профессий, относ-

щающиеся к своей работе ответственно. Конечно, роль не всегда выстраивается лучшим образом. И ты не доволен, и режиссер, и зритель. Но главное, не позволить себе работать «вполнакала».

Как-то на гастролях, в одном южном городе, играли мы спектакль-сказку. Кто в шкуре медведя, кто волка, кто зайца. Три представления в день. За кулисами не успевали охладить взмокшие от пота лица. И вот в какой-то момент, утомившись, даже заскучав, я стал рассматривать зал. И увидел широко раскрытые глаза, и в них любопытство, интерес, тревогу. За судьбу того медведя или зайца, в шкуре которого маялся артист. Всегда помню эти широко раскрытые глаза, обращенные к тебе. К человеку на сцене. Ведь все люди, взрослые и дети, идут в театр за чем-то, таким важным и нужным, чего нигде больше найти нельзя.

И. ФУКАЛОВА.



На снимках: заслуженный артист РСФСР Б. ПЛОСКОВ; Б. Плосков — в роли Бориса Годунова; маска Бога войны из тибетских мистерий. Фото А. Зернина.

Зернина